

Леонид Авербух

Одесские музы поэтов

Н.С. Гумилев и Е.К. Дю-Буше

Мне в жадности не с кем сравниться,
и всюду – опять и опять
хочу я всем девушкам сниться,
всех женщин хочу целовать...

Е. Евтушенко

Поэты – народ влюбчивый... Это в полной мере относится к Н.С. Гумилеву. Если бы Гумилев по примеру Александра Сергеевича составил «донжуанский список», они вполне смогли бы ими помериться. И еще неизвестно, кто бы вышел победителем. Фантастическая влюбчивость Гумилева – одно из самых стойких и буйных проявлений его характера. Вторая натура. И постоянное состояние души. Ну не умел он жить без любовных романов, приключений, интриг. Мимолетных или затяжных, «роковых» или случайных, бурных и не очень. Любовь и поэзия были для него всем – неразрывным, единым, огромным. Одно не мыслилось без другого. Поэтическое вдохновение питалось любовью, любовь – вдохновением. Ему требовалось постоянно пребывать в эйфории – трепетном нетерпеливом ожидании новых и новых наплывов страсти. «...Мучиться и мучить, твердя безумное: «люблю!» Стихотворению Гумилева «Дон Жуан» больше подошло бы другое название – «Автопортрет»:

Моя мечта надменна и проста:
Схватить весло, поставить ногу в стремя

И обмануть медлительное время,
Всегда лобзая новые уста.

Новой возлюбленной, а среди них были девицы и дамы любых сословий, вплоть до известной крутой революционерки и писательницы Ларисы Рейснер, он, не смущаясь, передаривал и перепосвящал стихи, уже поднесенные или посвященные покинутым пассиям. Этим, как известно читателю, грешил и Маяковский... Встречи, события, судьбы в предлагаемом и предыдущем очерках пересекаются как во времени, так и в пространстве. Смириться с тем, что в мировой войне русская армия терпит поражение, Гумилев, считавший себя настоящим патриотом, не хотел и не мог. К тому же, на фронт в марте 1917 г. пришло известие о том, что царь Николай II отрекся от престола, и власть перешла к Временному правительству. Вскоре после этого Гумилев решил перевестись на Салоникский фронт и с этой целью отправился в русский экспедиционный корпус в Париж. Во Францию он поехал северным маршрутом – через Швецию, Норвегию и Англию.

В Лондоне, где Гумилев задержался на месяц, он познакомился с поэтом Уильямом Батлером Йейтсом и писателем Гилбертом Китом Честертоном. Англию Гумилев покинул в отличном настроении: стоимость бумаги и типографские расходы оказались там гораздо ниже, и он смог напечатать там один из номеров своего журнала «Гиперборей». Прибыв в Париж, проходил службу в качестве адъютанта при комиссаре Временного правительства. Теперь настроение поэта и война стало весьма унылым.

Именно в это время произошло их знакомство с Еленой Дю-Буше, семья которой была достаточно плотно связана с Одессой. Елену Гумилев мог встретить, осваиваясь в офисах российской миссии, размещавшейся в парижском районе Трокадеро, учитывая, что она в это время работала переписчицей (а по другим источникам – переводчицей) тылового управления российских войск во Франции. Это знакомство явилось одним из ярких моментов жизни Николая Гумилева.

Отец Елены Чарльз (Шарль, Карл) Винчестер Дю-Буше (Charles Winchester Du Bouche) родился в Париже в 1868 году. По-русски эту фамилию пишут еще: Дю Буше или дю Буше, Дюбуше и даже

Н.С. Гумилев в годы первой мировой войны

Дюбуше... Его отец работал дантистом-хирургом при дворе Наполеона III, мать была американской подданной. Отец умер рано, и сына воспитывала мать. После окончания частной школы в Париже Чарльз Дю-Буше поступает на медицинский факультет Парижского университета, где успешно совмещает учебу с работой в клиниках знаменитых профессоров – Террье и Потена. После успешного окончания университета он в течение нескольких лет совершенствуется в известных европейских клиниках и научных лабораториях у выдающихся ученых: Пастера, Ранвье, Кохера, Ру. Итогом его стажировок в ведущих клиниках Европы стало написание и защита докторской диссертации в 1897

году. Во время учебы в Париже, в Сорбонне, Чарльз Дю-Буше знакомится со студенткой-одесситкой Людмилой Орловой – дочерью одного из организаторов Одесской консерватории, председателя Одесского отделения Русского музыкального общества, почетного мирового судьи В.А. Орлова. В 1889 (а по другим источникам – в 1891-м. – Л. А.) году Л.В. Орлова становится женой Дю-Буше.

В 1897 году семья Дю-Буше переезжает в Одессу и живет сначала на улице Елисаветинской, 7. Необычная история одесской семьи героини очерка заслуживает подробного изложения. Позже они переезжают в здание на улице Ясной, 6, и Чарльз Дю-Буше начинает работать в городской больнице ординатором хирургического отделения. Очень быстро у него раскрывается талант хирурга. Современники Дю-Буше, наблюдавшие за его хи-

Одесса.—Odessa. № 51.
Санаторіа „Дю-Буше“.—Le sanatorium „Du Bouchet“.

Здание лечебницы Дю-Буше, Ул. Ясная, 6

рургической деятельностью в тот период, называют его «одним из лучших хирургов Европы». В Новой городской больнице нашего города Дю-Буше создает хирургическое отделение по примеру лучших клиник Европы. Согласно источникам, в 1902 году Чарльзу Дю-Буше было разрешено открыть в Отраде, на улице Ясной, частную хирургическую и гинекологическую клинику. Это двухэтажное здание из нештукатуренного известняка, крытое марсельской черепицей и декорированное красным кирпичом, отлично сохранилось до наших дней. При доме был разбит палисадник, огороженный коваными решетками. В паспорте Приморского района Одессы приведена другая дата основания клиники: «Здание построено в 1890 году – архитектор С.А. Ландесман. С 1897 года здесь функционировала лечебница, которую открыл доктор Чарльз Дю-Буше».

Кроме амбулатории в клинике было стационарное отделение для 10 больных, которые нуждались в хирургической помощи. Дю-Буше оказывал и бесплатную медицинскую помощь всем, кто в этом нуждался. Кроме основной деятельности Чарльз Дю-Буше

увлекался парусным спортом, был членом Черноморского яхт-клуба. Вместе с ним членом этого клуба был тогда и В.П. Филатов, впоследствии выдающийся офтальмолог, академик. Будучи американским подданным, Чарльз Дю-Буше на протяжении некоторого времени выполнял функции почетного вице-консула США в Одессе. Во время антиправительственных событий 1905 года он оказывал медицинскую помощь демонстрантам и раненым в уличных боях. Часто прятал их в своей больнице от полиции. Легенда гласит, что тогда он спас Сергея Уточкина, которому пришлось сделать сложную операцию после удара ножом. Жена Людмила Васильевна организовала хранение в клинике изданий большевистской «Искры» и принимала участие в их распространении. Также, согласно легенде, после подавления одесского вооруженного восстания в мертвецком покое лечебницы Дю-Буше одесские революционеры-боевики прятали оружие. В конце 1950-х годов при ремонте дома на чердаке обнаружили относящиеся к 1906 году документы Одесского комитета РСДРП.

Все это не прошло незамеченным, и у тогдашних властей Одессы возникло к супругам Дю-Буше недоверие. Очевидно, именно поэтому в декабре 1905 года Чарльз Дю-Буше тайно отправляет жену с детьми в Женеву, а сам под надзором полиции продолжает свою врачебную и общественную деятельность. Однако в 1908 году, после ареста и последовавшего за ним выдворения из России, он забирает свою семью из Женевы и переезжает в Париж. Там ему довелось лечить многих русских эмигрантов, а также и сестру Лена М.И. Ульянову, что упоминалось в советских источниках.

После отъезда Дю-Буше в здании лечебницы открылась «Санатория для нервных больных», после революции она стала санаторием «Отрада». Сейчас там размещено Управление соцзащиты населения Приморского района.

В начале первой мировой войны Чарльз Дю-Буше организовывал американский госпиталь в пригороде Парижа Нейи. С 1917 года он работает хирургом-консультантом американской армии. В 1929 году доктор Дю-Буше возглавляет строительство образцовой больницы в Сореке (западный пригород Парижа), которая была открыта в 1936 году и стала одной из лучших лечебных учреждений Франции. Чарльз Дю-Буше был награжден прави-

тельством Франции орденом Почетного легиона. А в 1956 году в вестибюле этой больницы было установлено его скульптурное изображение. Почти всю жизнь он прожил во Франции, но остался американским гражданином.

Во время второй мировой войны Дю-Буше уезжает в США, в Бостон, где активно сотрудничает с Обществом Красного Креста США и Обществом США – СССР, организуя материально-финансовую помощь СССР.

Чарльз Винчестер Дю-Буше умер в 1946 году в Бостоне. Известно по крайней мере о двух детях супругов. Кроме нашей героини это ее старший брат Виктор-Всеволод. Сын Виктора-Всеволода и его жены Надежды Вильтер (врач еврейско-русского происхождения), племянник Елены Андре Дю-Буше (1924-2001) был талантливым французским поэтом, лауреатом многих литературных премий.

Годом рождения очередной музы Гумилева – Елены Дю-Буше – источники называют 1896-й, следовательно, в Одессу ее привезли в возрасте 1 года, а увезли в 1905-м, то есть девятилетней. Значит, родившись не в нашем городе, она провела в нем что-то около восьми детских лет. По этому поводу мне хочется привести остроумную классическую ремарку моего покойного друга, авторитетнейшего историка и краеведа Ростислава Александрова (А.Ю. Розенбойма): «В который раз дивиться только можно, как много известных людей так или иначе связаны с Одессой, а то, что не все они ее уроженцы, так это вовсе не имеет значения, – разве мало таких, которые родились здесь, но лучше бы (они) этого не делали...».

Наиболее полно о семье Е.К. Дю-Буше рассказал внук знаменитого биохимика, академика А.Н. Баха И.С. Балаховский. Он писал: «...дочь Шарля и Людмилы – Елена Дюбуше – была журналисткой, дружила со старшей сестрой моей мамы Лидией Алексеевной. Я ее немного помню, так как в 1934 или 1935 г. она приезжала в Москву». Дальнейшую ее судьбу выяснить не удалось. По-видимому, именно она, Елена Карловна Дю-Буше, стала первой из новых знакомых Гумилева во Франции.

Весна 1917 года в Париже выдалась поздняя, моросил мелкий дождь, над городом висели низкие тучи. Только к середине июля

Елена Дю-Буше

погода разгулялась, и Николая Степановича пригласили совершить экскурсию в долину Луары, в Орлеан. Собралась небольшая компания: художники Ларионов и Гончарова, поэт Николай Минский и несколько молодых французов, среди которых Гумилев обратил внимание на высокую стройную девушку в простом, но элегантном платье, с большим букетом белой сирени. У нее были большие карие, чуть раскосые глаза, темные локоны оттеняли ровную матовость лица. Ларионов назвал ее имя на французский манер: Элен Дю-Буше. Тут и узнал поэт, что она полуфранцуженка, полурусская. Русские парижане

звали ее Еленой Карловной. Из воспоминаний внебрачного сына Гумилева (от актрисы Ольги Высотской) Ореста Николаевича Высотского (1913-1983) (надо думать – на основании хранившихся в семье записок отца, которого он не знал. – Л. А.): «Хотя прежде Гумилев не бывал в Орлеане, судьбу Орлеанской Девы он знал, как мало кто другой, и увлек свою новую знакомую необычайно красочным рассказом о Жанне Д'Арк. Он не замечал окружающего, видя только Елену, радуясь брошенной ему улыбке, ревнуя, когда она разговаривала не с ним. Они бродили по городу, заходили в большой гулкий собор, кормили на площади воркующих голубей. Вечером, когда, утомленные и притихшие, возвращались они поездом в Париж, Гумилев был точно в тумане.

Он чувствовал, что произошло что-то большое, радостное и одновременно страшное. Тетрадь, в которую он записывал стихи, теперь начнет заполняться быстро. Первое стихотворение, навеянное новой страстью, появилось в ту же ночь, к рассвету:

Из букета целого сиреней
Мне досталась лишь одна сирень,
И всю ночь я думал об Елене,
А потом томился целый день.

Все казалось мне, что в белой пене
Исчезает милая земля,
Расцветают влажные сирени
За кормой большого корабля.

И за огненными небесами
Обо мне задумалась она,
Девушка с газельими глазами
Моего любимейшего сна.

Сердце прыгало, как детский мячик,
Я, как брату, верил кораблю,
Оттого, что мне нельзя иначе,
Оттого, что я ее люблю.

Сиреневую веточку из своего букета подарила ему, прощаясь, Елена... В штабе, куда он являлся ежедневно, ожидая отправки на Салоникский фронт (или Македонский, как его еще называют – периферийный театр военных действий первой мировой войны, где сражались бригады Российского экспедиционного корпуса. – Л. А.), приказа все не было. Гумилев тогда числился в составе 1-й бригады, а позднее перешел в 3-ю бригаду. Однако разложение армии, как и в России, чувствовалось и там. Вскоре 1-я и 2-я бригады подняли мятеж. После того как он был подавлен, а Гумилев, между прочим, лично принимал участие в его подавлении, многих солдат депортировали в Петроград, оставшихся объединили в одну особую бригаду.

Общество юной Елены, способной наследницы трех национальных культур, увлекавшейся литературой и делавшей первые шаги в журналистике, помогло Гумилеву избавиться от затяжной депрессии. Очень скоро поэт понял, что влюблен, и эмоциональный взрыв стал весьма благоприятной почвой для

творчества. Буквально за полгода Гумилев написал несколько десятков стихотворений, посвященных своей избраннице, которые позже вошли в сборник под названием «К Синей птице». Среди них – «Уста солнца», произведение, которое по праву считается одним из самых сильных и волнующих в любовной лирике Гумилева.

О личной жизни русских литераторов первой половины XX века (а о Гумилеве – вообще) в СССР принято было умалчивать, поэтому о романе Гумилева и Дю-Буше знали лишь немногие биографы поэта. Для большинства же читателей стихотворение «Уста солнца» являлось гимном любви, сложенным в честь Анны Ахматовой. Однако к моменту встречи с Еленой отношения между супругами уже зашли в тупик, и оба они лишь ждали удобного момента, чтобы расторгнуть брачный союз. К тому же, именно рядом с юной Еленой Гумилев почувствовал себя настоящим мужчиной, сильным и лишенным той ребячливости, в которой его постоянно упрекала Ахматова. Достаточно принять во внимание датировку этого стихотворения – июль 1917-го, да и некоторые черты адресата, чтобы убедиться в том, кому оно посвящено. Критики уверенно считают, что «...с удивлением прислушиваясь к своим внутренним ощущениям, он написал:

Неизгладимы, нет, в моей судьбе
Твой детский рот и смелый взор девический,
Вот почему, мечтая о тебе,
Я говорю и думаю ритмически.

Я чувствую огромные моря,
Колеблемые лунным притяженьем,
И сонмы звезд, что движутся, горя
От века предназначенным движеньем.

О, если б ты всегда была со мной,
Улыбчиво-благая, настоящая,
На звезды я бы мог ступить ногой
И солнце б целовал в уста горящие.

Его чувства оказались настолько сильными и яркими, что они, как он сам отмечал, попросту ошеломили его самого, он даже не предполагал, какой возвышенной и сладостной может быть новая любовь. Она давала ему силы не только жить, но и строить планы на будущее, в котором он не мыслил свою жизнь без избранницы».

(Цитаты, цитаты... Приходится понимать, что даже сегодня, когда события и факты поддаются видео- и фотофиксации, от подачи этих материалов зависит то, насколько они соответствуют действительности. А мы вынуждены довольствоваться *нарративом* – модный нынче термин – *автора* в процессе чтения. И если даже считать его достоверным, он все равно позже уже заменяется нарративом *читателя*, по-своему понимающего и определяющего текст. Если же последний пересказывает текст, то он, в свою очередь, становится автором для другого читателя и так далее. Таким образом, нарратив становится рассказом – синонимы, между прочим, – который всегда можно изложить по-другому... – Л. А.)

Упомянутым планам и помыслам Гумилева не суждено было сбыться, хотя поэт и предрекал, что благодаря союзу с любимой «на звезды я бы мог ступить ногой и солнце б целовал в уста горящие». Очень скоро Гумилев осознал, что его чувства не настолько прочны, как это казалось ему вначале. Но он до конца своей недолгой жизни благодарил судьбу за то, что она свела его с этой удивительной девушкой и дала возможность вырваться из плена чар Анны Ахматовой, во власти которых поэт пребывал без малого 15 лет.

Елена Дю-Буше

Однако пока его перестала тяготить мысль, что придется и дальше торчать в Париже. Ему это казалось счастьем, особенно после того как Елена первой ему позвонила, и они условились о встрече. Вечером они были на балете. В вечернем платье Елена казалась особенно прелестной. Потом он провожал ее по ночным улицам «к тупику близ улицы Декамп» и долго прощался «у массивной входной двери с бронзовыми ручками»... Условились в ближайшее воскресенье совершить прогулку в Версаль. Жизнь раскололась надвое: выполнение противных обязанностей у комиссара Раппа, звонки по телефону, поездки в военные лагеря и – постоянное радостное ожидание новой встречи с Еленой, которая держалась с ним дружески просто, свободно, как принято во Франции. А он весь горел и писал в тетради:

Как ты любишь, девушка, ответь,
По каким тоскуешь ты истомам?
Неужель ты можешь не гореть
Тайным пламенем, тебе знакомым?

Если ты могла явиться мне
Молнией слепительной Господней,
И отныне я горю в огне,
Вставшем до небес из преисподней?

При встрече Гумилев читал ей стихи, написанные накануне, стараясь по выражению лица угадать ее отношение – не к стихам, а к любовным признаниям. Она слушала с улыбкой, говорила, что любовь всегда свободна, и от этих ее слов Гумилев терзался еще сильнее:

...Нет, любовь не это!
Как пожар в лесу, любовь – в судьбе,
Потому что даже без ответа
Я отныне обречен тебе.

Должен сразу оговориться: эти заключительные строки из стихотворения «Прогулка» – «Мы в аллеях светлых пролетали» –

ряд комментаторов считали посвященными Ахматовой, и на этом основании они были приведены мной в предыдущем очерке, но так как дата их создания – июль 1917, их адресатом со значительно большей вероятностью следует считать Елену Дю-Буше.

Как и все творческие озарения Гумилева, «звездная» тема была предопределена его судьбой. Он ведь учился поэзии в знаменитом Царскосельском лицее, где витал дух Пушкина, и где во время его учебы директором был И.Ф. Анненский (1855-1909), который в 1909 году написал стихотворение, впоследствии ставшее романсом (это – мой, автора этих строк, в юности любимый романс, который я услышал в исполнении А. Вертинского, бывшего и автором музыки. – Л. А.):

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной ищу ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

Эту «байроновскую звездную» тему исповедовали в своем творчестве и Лермонтов, и Баратынский, и М. Глинка, и Полежаев. И когда Гумилев увлекся Еленой Дю-Буше, у него не было и минуты сомнения, что это именно его «звезда», которую он так долго искал «среди миров». Это была, по мнению Ларионова, его астрологическая фантазия – объяснять все безумные российские нелепости 1917 года действием таинственной, еще неизвестной науке сверхновой звезды, появившейся в созвездии Змеи. Незримое сияние этой далекой холодной и недоступной звезды, по фантазии Гумилева, действовало на впечатлительных россиян так, как соблазн библейского Змея-искусителя на Адама и Еву, увлекая их в недостижимую и безжизненную даль. «Синей звездой» он называл теперь Елену. Она на какое-то время стала психологической, философской и даже богословской героиней его

творчества, порой напоминавшей далекий призрак, возбуждающий горькие и мучительные переживания:

И умер я... и видел пламя,
Не виденное никогда:
Пред ослепленными глазами
Светилась синяя звезда.

Однако (попробуй, пойми этих поэтов... – Л. А.) это не мешало ему на фоне отвлеченной любовной философии вдруг мучительно затосковать по... Ахматовой, обращая к ней такие строки:

Не всегда чужда ты и горда,
И меня не хочешь ты всегда –
Тихо, тихо, нежно, как во сне,
Иногда приходишь ты ко мне.

Вероятно, именно Елена, хорошо знавшая русскую публику, обитавшую у Трокадеро, способствовала сближению Гумилева со знаменитой четой уже неоднократно упомянутых художников – экзотических примитивистов, участников скандальных выставок русских авангардистов Михаила Ларионова и Натальи Гончаровой. Они занимали апартаменты в отеле «Кастилья» по соседству с его пристанищем на rue Galilee, а он, конечно, был наслышан о них намного раньше. Оба эти художника написали по несколько графических портретов Гумилева в характерном для них (и весьма спорном, на мой вкус... – Л. А.) стиле.

Восток и нежный, и блестящий
В себе открыла Гончарова,
Величье жизни настоящей
У Ларионова сурово.

Из воспоминаний М.Ф. Ларионова: «Мы с Николаем Степановичем прогуливались почти каждый вечер в Jardin des Tuileries. В Париже, недалеко от Parc de Carrousel, на дорожке, чуть-чуть вбок от большой аллеи, стояла статуя голой женщины – с под-

Н.С. Гумилев в Париже. 1917. Графика М. Ларионова и Н. Гончаровой

нятыми и сплетенными над головой руками, образующими овал. Я, проходя мимо статуи, спросил у Н. С., нравится ли ему эта скульптура? Он меня отвел немного в сторону и сказал:

– Вот отсюда.

– Почему, – спросил я, – ведь это не самая интересная сторона?

Он поднял руку и указал мне на... звезду, которая с этого места как раз приходилась в центре овала переплетенных рук.

– Но это не имеет отношения к скульптуре.

– Да! Но <имеет> ко всему, что я пишу сейчас в Париже «под голубой звездой».

Встречаясь с Еленой уже несколько недель, Николай Степанович все не решался открыто с нею объясниться. Мысли о будущем его не тяготили, а прекратить свидания с Еленой было выше его сил. Гумилев смотрел на нее с восторгом и нежностью и страдал (так пишут биографы. – Л. А.) все сильнее. В общем, неоднозначные это были отношения. Особенно нелегко их до конца понять

Та самая статуя в Париже

нам по прошествии целого столетия. По крайней мере, именно такими они предстают при изучении немалочисленных источников, крайне разноречиво характеризующих чувства, испытываемые Еленой, – от всепоглощающей любви до полного безразличия... Да, и счастливый Николай Степанович, как видит читатель, вдруг предстает глубоко страдающим. Неразделенной называет его любовь к прекрасной Елене в такой неподходящий для любви военный 1917 год друг Гумилева Сергей Маковский: «любовная неудача больно ущемила его самолюбие, но как поэт он не мог

не воспользоваться горьким опытом, – пишет он и обобщает – дабы... выразить... не только свое горе (?!), но горе всех, любивших неразделенной любовью». Одно лишь не вызывает ни малейших сомнений – образ Елены вызвал к жизни мощный всплеск творческого вдохновения одного из крупнейших поэтов Серебряного века. А современный источник (А. Захваткин, 2017) утверждает: «Роман Николая и Елены был бурным:

Ты повторяла: «Я страдаю»,
Но что же делать мне, когда
Я наконец так сладко знаю,
Что ты – лишь синяя звезда...»

И далее делает неожиданный вывод, что это была классическая игра в любовь как с его, так и с ее стороны, причем ни малейших сомнений на этот счет, как утверждает этот автор, ни она, ни он не испытывают. Как выразался в подобных случаях

Л.Н. Толстой, «он знал, что она знает, что он знает...». И действительно, пишет он, если отбросить этот «игровой» момент, то Гумилев предстает здесь обычным прелюбодеем, совращающим чужую невесту. Но и Елена Карловна в отсутствие жениха, свадьба с которым для нее дело решенное, не считает предосудительным флиртовать с заезжим русским поэтом, рассказывая ему в интимных беседах:

Все, что может девушка придумать
О еще неведомой любви...

А продолжая, противореча самому себе, этот автор пишет: «Гумилев понимает (и оттого невыносимо страдает) всю пагубность своего влечения к Елене», – подкрепляя эту позицию следующими строками поэта:

Моя душа осаждена
Безумно странными грехами,
Она – как древняя жена
Перед своими женихами.

Она должна в чертогах прясть,
Склоняя взоры все суровой,
Чтоб победить глухую страсть,
Смирить мятежность буйной крови.

Но вернемся к фактам. После свиданий Елена вдруг исчезла на целую неделю, не отвечая ни на письма, ни на телефонные звонки. Однажды, даже не предупредив по телефону, она пришла в отель, где он жил, – даже по меркам французов такое считалось неудобным. Николай Степанович понял, что пришло время объясняться. После этой встречи ему пришлось, даже не успев предупредить Елену, уехать в лагерь почти на три недели.

Возвратившись в Париж, он поспешил на улицу Декамп с надеждой на свидание. Консьержка сказала, что мадемуазель десять дней назад уехала, а когда вернется, неизвестно. Елена позвонила

Экспедиционный корпус в Париже. Н.С. Гумилев в группе офицеров

только через неделю. Они встретились в кафе; она объявила, что их отношения зашли слишком далеко, и это не приведет ни к чему хорошему. Нужно думать о будущем. Возвращение в Россию для нее невозможно. Надо устраивать свою жизнь. Гумилев растерялся: отвечать ей было нечего. Впервые в жизни он почувствовал неуверенность.

Шел октябрь, зарядили холодные дожди. Свидания прекратились, все разладилось. Стало ясно – роман окончен. Решение было принято, точка поставлена. Он больше не искал встреч, не звонил, старался задерживаться на службе, чтобы отвлечься от воспоминаний. Однако в конце октября Елена позвонила и каким-то жалким голосом попросила с ней встретиться. Им предстояло проститься. Вскоре Елена уезжала из Парижа, из Франции, даже из Европы. Ведь и до встречи с Гумилевым она была помолвлена с американцем французского происхождения, капитаном армии США Вальтером Ловелем (Лоуэллом) (1884-1937) из Чикаго, где у его отца было большое дело. Но это не стало тогда преградой развитию их страстного романа. Оставалось лишь пожелать ей счастья за океаном...

Вот и монография готова,
Фолиант почтенной толщины:
«О любви несчастной Гумилева
В год четвертый мировой войны».

...Каждая подумает уныло,
Легкого презренья не тая:
«Я б американца не любила,
А любила бы поэта я».

А по другим источникам, отрицающим легкость этих отношений, любовь воистину оказалась несчастной. Как бы то ни было, Елена действительно предпочла поэту богатого (в этом ли дело? – Л. А.) американца, вышла за него замуж и уехала с ним в Чикаго.

Противоречивые настроения и чувства нашли отражение и в упомянутом цикле «К синей звезде». Создавая образ возлюбленной, поэт сосредотачивает внимание, прежде всего, на портретных характеристиках. Перед нами одухотворенная любовью красота, «мучительная, чудесная, неотвратимая»: «фарфоровое тело, как лепесток сирени белой», «атласная кожа», «руки нежно-восковые» и особенно глаза – «большие, газельи, поющие, с которыми сравним лишь черный бархат, на котором забыт сияющий алмаз». Тревожащее дыхание в эпитетах белого цвета – цвета холода – ощущается сразу. Ведь это только «тело ее из огня», а «сердце не дрожало никогда». В ней «белых лилий и синих миров сверканье», она – «Синяя звезда – звезда безлюбая, холодная». Может быть, потому что «еще почти ребенок»? Не случайно ведь «губы полудетские», «детский рот», «взор девичий», «маленький детский передник»! Нежностью взрослого мудрого человека наполнены и обращения к ней в момент ее страдания, когда она, «милая с таким печальным ртом», похожа на «птицу раненную». Он воин, но... потерявший волю, «жестoko осужденный страдать», пораженный ударом «молнии слепительной Господней», горит в огне, «вставшем до небес из преисподней», как огненный столп. Образы эти, безусловно, носят гиперболизированный характер, но поэзия склонна к гиперболе. Возможно, и потому что любовь ощущается героем как последняя, на исходе жизни:

Страсть пропела песней соловьиной,
Никогда ей не запеть опять...

Отсюда и образ осени как символа старения: «золотые листья опали в синие и сонные пруды», «деревья золотые с водами слились в одно кольцо». Отсюда и образ ночи, мучающий героя «смертной скорбью». Так постепенно входит в цикл мотив смерти, чтобы излиться наконец в строках:

И теперь мне ничего не надо,
Ни тебя, ни счастья не хочу.

Лишь одно бы принял я не споря –
Тихий, тихий, золотой покой
Да двенадцать тысяч футов моря
Над моей пробитой головой.

Автограф «Хокку» Гумилева

Кажется, спасение от нахлынувших страданий только в смертном покое, приговор вынесен: «Женщине с мужчиной никогда друг друга не понять».

Но кроме нежности есть и смутная обида, и печаль: «полуребенок – полуженщина», телесная и бесплотная, она уходит в другой мир, обвороживший ее «простой и грубой прелестью своей», – мир богатства, благополучия, мир американского избранника. Делая этот выбор, она, по его словам, отвергает «волнующий и странный мир поэта», наполненный героями его сти-

хов, который ей, живущей в тупике за занавешенным окном, и поэтому не знающей настоящей свободы, даже не приснился. Она – улетающая птица, «осенней ясною порой уже готовая проститься с печальной северной страной». Звучит мотив расставания, приносящего страдания не ей, а лирическому герою, образ которого раскрывается поэтому изнутри, через характеристики состояния, переживания. Недетскую практичность увидел Гумилев в этом выборе девушки, который оценен им обиженно-иронически. Отсюда единственное «хокку» Гумилева:

Вот девушка с газельими глазами
Выходит замуж за американца...
Зачем Колумб Америку открыл?!

В последний раз они встретились в апреле 1918 года, когда Гумилев плыл на пароходе из Лондона в Мурманск с короткой остановкой в Гавре:

Я скажу ей: «Хочешь, мы уедем
К небесам, не белым, к голубым,
Ничего не скажем мы соседям, –
Ни твоим, царевна, ни моим?»

Всего около девяти месяцев миновало. Биографы констатируют: чувства остыли, он морально и физически обессилен. В этой поездке Гумилева сопровождал поэт В.Д. Гартнер (1880-1956), который позднее вспоминал:

До Мурманска двенадцать суток
Мы шли под страхом субмарин,
Предательских подводных «уток»,
Злокозненных плавучих мин.

Лимоном в тяжкую минуту
Смягчал мне муки Гумилев
Со мной он занимал каюту,
Деля и штиль, и шторма рев.

Опираясь на источники, констатируем, что, несмотря на всю неоднозначность ощущений, о чем так много сказано выше, понимая, что растается со своей возлюбленной навсегда, Гумилев мог говорить и думать лишь о ней. Шел 1918 год, и он, судя по всему, с трудом представлял себе, что именно ждет его на родине. Рассчитывая на благополучный исход своей поездки, он все же готовился к худшему, и эти опасения явно читаются меж строк стихотворения «О тебе». «В человеческой, темной судьбе, ты – крылатый призыв к вышине», – отмечает Гумилев. Он убежден, что благородное сердце его возлюбленной, «словно герб отошедших времен», сможет защитить его от любых невзгод. Но он, по видимому, даже не предполагает, что совершает роковую ошибку, возвращаясь домой, в послереволюционную Россию. Ошибку, которая в конечном итоге будет стоить ему жизни.

Но пока до роковых событий 1921 года еще далеко, и поэт полон бравады. Он утверждает, что любовь его избранницы может отогнать смерть, и золотой серафим, пришедший за его душой, даст отсрочку. «Мы поднимем тогда перед ним, как защиту, твой белый платок», – утверждает Гумилев. Но вновь и вновь, от стихотворения к стихотворению, звучит признание и благодарность за счастье, подаренное любовью, которая вырвала поэта «из жизни тесной... скудной и простой», которая разбудила душу, что «дремала... как слепая». По-настоящему же примирение с жизнью и с собой ощущается лишь в стихотворении, завершающем цикл, «Новая встреча». Примирение это найдено на путях христианского понимания прощения и вечной ценности любви и добра по сравнению с тщетностью обид. Дорогого стоит признание в том, что герой «горько счастлив темной судьбой». Пожалуй, именно этот оксюморон соединил горечь и сладость чувства, выпавшего на его долю. Я не силен в библейских реминисценциях, но, по мнению все тех же искушенных биографов поэта: «...уместно провести аналогию между примирением с судьбой, осуществившимся в его душе, и примирением между падшим ангелом (дьяволом, змеем) и серафимом». В стихотворении, пишет один из этих авторов, намеренно сводятся два толкования образа «утренней звезды»: ветхозаветное, в книге пророка Исайи, и новозаветное, в Апокалипсисе. В первом случае – это дух зла, Лю-

цифер, змей. Во втором случае – Христос. Может быть... Но не будем забывать, что в цикле этот образ наполнен и иным содержанием – голубая, синяя звезда – утренняя звезда – это образ Венеры, богини любви, а также образ возлюбленной, дарящей радость страдания.

Правда, М.Д. Эльзон в комментариях к «Стихотворениям и поэмам» Гумилева вообще утверждает, что подлинное авторское название книги стихов, известной сейчас как книга «К синей звезде», – «Посредине странствия»... Судя по всему, пишут биографы, несчастному в конечной своей судьбе поэту невдомек, что меньше чем через год он забудет свою французскую музу и, официально расторгнув брак с Ахматовой, станет мужем другой женщины – А.Н. Энгельгардт. Забудет ли? Дочери, родившейся этом браке, думается, не случайно, отец дал имя Елена... Хотя объективности ради приведем слова Всеволода Рождественского: «Я как-то постучал к нему (Гумилеву) в комнату. Он открыл дверь и еще на пороге сказал каким-то особо торжественным голосом: «Поздравь

Предполагаемое место расстрела Николая Гумилева и крест-кенотаф. Ковалевский лес, у изгиба реки Лубьи в районе арсенала Ржевского полигона, платформа Бернгардовка (ныне – г. Всеволожск Ленинградской обл.)

Л.Н. Гумилев и О.Н. Высотский, сыновья поэта

Памятник-кенотаф Н.С. Гумилеву в Коктебеле

меня. У меня родилась дочь». И добавил: «Я хочу назвать ее Еленой в честь самой красивой женщины на земле, из-за которой греки осаждали Троию». Лукавил, по-моему...» Обе они, мать и дочь, трагически погибли от голода в осажденном Ленинграде.

После заключения под стражу в письме, адресованном своей второй жене, обреченный поэт заверял ее в том, что беспокоиться не о чем, и просил передать ему томик Платона и табак. Перед расстрелом Гумилев написал на стене камеры: «Господи, прости мои прегрешения, иду в последний путь». Лишь спустя 70 лет со дня смерти поэта были рассекречены материалы, доказывающие фабрикацию заговора, и в связи с отсутствием состава преступления в 1991 году судебное дело его было официально закрыто.

И именно двум его супругам, матерям его детей, двум Аннам – Ахматовой и Энгельгардт – предстоит долго и безрезультатно искать его могилу, которая так до сих пор и не обнаружена, чтобы отдать последнюю дань памяти человеку, которого обе они по-настоящему любили...